

Семь троп Питера Куинса

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Семь троп Питера Куинса

Макс Брэнд

Мальчик-сирота Питер Куинс, как считается, сын отъявленного головореза, вступает на крутую тропу взрослой жизни. Пути его тернисты, и только сильная воля помогает бороться и побеждать.

Макс Брэнд

Семь троп Питера Куинса

Глава 1

Учение

Мать Питера Куинси умерла, когда ему было четыре года, так что он ее практически не помнил. Но порой ему казалось, что вот-вот в памяти всплывут ее черты, и, возможно, поэтому всю свою жизнь так внимательно и задумчиво вглядывался в лицо каждой встреченной им женщины. Под такими нежными и целомудренными взглядами женские сердца таяли как снег под июньским солнцем.

Некоторое время после смерти матери за ним присматривал огромный мужик, бродяжничающий в окрестных горах неподалеку от хижины, в которой жил

Питер. Затем однажды к нему привели дряхлую сгорбленную старуху. Та оглядела мальчонку с ног до головы.

– Дурной малый. Недобрые глаза. Много бед принесет людям, – промолвила старуха. – Мне следовало бы сразу догадаться, что это твое чадо, Куинси.

– Знай, что мелешь, старая дура! – ответил темноглазый темноволосый гигант.

А Питер не отрываясь смотрел в глаза старой женщины, пока та, громко всхлипнув, не заключила его в свои объятия. Вздвогнув, мальчик на мгновение счастливо зажмурился, поскольку ему почудился голос покойной матери. Но вид морщинистых рук вернул его к действительности.

Прошло не так много времени, и однажды возле их горной хижины раздался страшный шум – топот ног, крики и грохот выстрелов. Потом стрельба сменилась стонами и в комнату ворвались незнакомые люди. Один из них схватил малыша за шиворот и поднял перед собой, демонстрируя десятку озверелых от борьбы мужчин. Питер всю жизнь будет помнить сверкавшие глаза и блестящие в руках ворвавшихся пистолеты, а также скорчившуюся в углу фигурку старухи с раскрытым ртом и залитым чем-то красным лицом.

– Вы только поглядите! – восклицал схвативший Питера Куинси парень, водружая его на стол. Стоя на столе, малыш в упор смотрел на оказавшиеся вровень с его лицом окружившие его лица. Отец учил его смотреть людям прямо в глаза.

– Да он похож на моего Тома, которого украли! – охнул кто-то сзади. – Похож на моего мальчика. Будь я проклят, это же мой Том!

Остальные переглянулись. Протолкавшись вперед, мужчина схватил Питера за плечи и стал жадно вглядываться в его лицо.

– Нет, нет! – наконец горестно воскликнул он. – Похоже, мой Том постарше, а, ребята?

Толпа ответила молчанием; кровопролитие окончилось, теперь его участники сожалели о содеянном.

– Как зовут, сынок? – спросил мужчина.

– Меня зовут Питер Куинси, – громко объявил малыш. – А как ваше имя, сэр?

– Питер Куинси! – одновременно взревели два десятка глоток. – Сын самого дьявола во плоти! Кто бы мог подумать, что в эдакой крохе течет дурная кровь?

Это восклицание незнакомца да слова старухи до конца жизни запали в голову Питера, глубоко отпечатавшись в памяти, хотя в то время их смысл он не совсем осознавал, но вспоминал их впоследствии, когда убеждался – в нем течет дурная кровь, а его отец бандит! Потом его привели вниз, в деревню. По пути их не раз останавливали, и он слышал, как встречные удивленно бормотали про себя: «А в парнишке-то нет ничего от Джона Куинси».

На что кто-нибудь замечал: «Не скажи, дурная кровь рано или поздно даст о себе знать – чаще всего рано, но обязательно когда-нибудь да скажется!»

Сколько всего мы говорим друг другу в присутствии детей, обманутые их безмятежными отрешенными личиками! А они все время притворяются. Все понимают и играют для нас свой маленький спектакль лицемерия. Возможно, им непонятен смысл слов, но, будто зоркие пернатые хищники, они не упускают ни малейшего оттенка чувств и способны построить город из единственного камня, создать чудовище из царапины на скале и распознать человека по первому обращенному к себе слову. Замечено, что очень умные люди побаиваются детей. Дети охотно играют в чехарду и водят хороводы с легкомысленными заводилами детских проказ... и ни во что их не ставят.

Таким рос и Питер Куинси. Он невозмутимо шагал по улице, но все увиденное и услышанное оставляло глубокий отпечаток в его неокрепшей душе. Такое положение давало много пищи уму, но также учило кривить душой и лукавить. Все дети – гениальные лгуны; а развитию гения Питера Куинси к тому же способствовала среда, и почти с пеленок он в совершенстве владел сим мастерством.

Разумеется, малыш сразу же догадался, что иметь такого отца, как Джон Куинси, – большое препятствие в жизни. Но со временем он также смекнул и то, что такое родство влечет за собой определенные преимущества. Например, когда мальчишки, окружив его в углу школьного двора, принялись дразнить,

давая такие обидные прозвища, как «девчонка» и «неженка», он, не вытерпев, схватил в руки по камню, и – о чудо! – все до одного удрали под защиту учительницы. Учительница с испуганным видом подошла к нему, взяла из рук камни и стала мягко убеждать, чтобы он никогда не давал волю своим чувствам, иначе может случиться, что он когда-нибудь ударит мальчика, и тогда...

Эта назидательная речь о необходимости проявлять сдержанность, несомненно, была должным образом им воспринята, и Питер Куинси вполне искренне внимал ей, обратив на учительницу внимательный и честный взгляд своих голубых глаз; на самом же деле парнишка жадно переваривал поразившее его открытие, что он может справиться со всеми однокашниками. Для Питера такое открытие имело куда более важное значение, чем слова учительницы.

Когда мальчишки Эндрюс доложили за ужином об этом событии, миссис Эндрюс, неожиданно всплакнув, сказала мужу:

– Отец, после ужина надо поговорить!

Билл Эндрюс, тот самый мужчина, который увидел в Питерс Куинси своего пропавшего сына Тома, взял сироту к себе, несмотря на то, что у самого росло две дочери и четверо сыновей и лишним достатком дом не мог похвастать. Но если речь касалась детей, в щедром сердце Билла Эндрюса всем нашлось бы место. В этом отношении он был необыкновенный человек.

После ужина дети вышли из-за стола, и Питер, конечно, вместе с остальными. Но потом словно змея прокрался обратно и, приготовив уши и глаза, устроился у достаточно большой трещины в стене, чтобы подслушать предстоящий разговор. Для Питера Куинси этот разговор имел огромное значение. Будучи матерью семерых детей, из которых шестеро жили с нею, миссис Эндрюс являлась непререкаемым авторитетом в глазах мужа, который ее, прямо скажем, побаивался. Ибо каждый отец большого семейства видит в супруге нечто непостижимое. Он может фамильярно называть ее «старухой» или «хозяйкой», но эта фамильярность сугубо показная, как, скажем, показная уверенность укротителя тигра, которой вовсе нет и в помине. Он способен обмануть публику, но только не себя. Посему оставшись наедине со своей половиной, Билл Эндрюс, нервно покусывая черенок трубки, уселся поглубже в кресло и уставился глазами под ноги жене. Все это не ускользнуло от внимания Питера Куинси.

Последовавший разговор поразил Питера Куинси – или Питера Куинса, как назвал его Эндрюс, чтобы по возможности дистанцировать от того страшного бандита – его отца. Дело в том, что после того, как он привел Питера к себе в дом, Билл Эндрюс уделял мальчику мало внимания, тогда как миссис Эндрюс сразу заключила его в свои объятия, поплакала над ним, поохала, удивляясь его ангельскому облику, и стала от души лелеять его. Теперь же она с нескрываемой злобой заявила мужу, что ни минуты не потерпит под своей крышей это «бандитское отродье». Если он набросился на ребят в школе, то в один прекрасный день кинется на их собственных детей. Однажды утром, проснувшись, они обнаружат, что все убиты.

Мистер Эндрюс счел благоразумным пропустить это предсказание мимо ушей и призвал супругу к сдержанности и благоразумию, признавшись, что мальчишка пришелся ему по сердцу.

– А для своих кровных не находишь ни слова, ни взгляда! – запричитала миссис Эндрюс.

– Ради Бога! – вскричал мистер Эндрюс. По лицу его струился пот. – Успокойся, дорогая! Сейчас пойду и выгоню парня. Несмотря на ночь. Бедный дьяволенок!

Он встал. Увидев, что муж берется за ручку двери, миссис Эндрюс сменила гнев на милость.

– Может, пока подождать? – вздохнув, через силу произнесла она. – Подержим, пока не найдем ему другого места?

Питер Куинс скорее почувствовал, чем увидел облегчение на лице Эндрюса, когда добрый малый вернулся от двери. Однако сам Питер теперь хорошо знал, кого в этом доме надо склонить на свою сторону, и на следующий же день принялся за дело. Взрослый человек, возможно, спасовал бы перед такой задачей. Ибо миссис Эндрюс была неприступна, как шотландская девица на выданье, и тверда как камень. Но Питер на другой день по пути из школы завернул в луга и принес ей охапку полевых цветов, тем самым смилив наполовину ее гнев. С тех пор ни один день не обходился без подобных знаков внимания. Не прошло и недели, как он попал в число любимчиков, почти наравне с ее собственными детьми. Завоевав крепость, Питер принялся усердно ее обживать. И все это совершалось с восхитительным простодушием.

Такова цена простоты Питера Куинса! Однако несколько лет им владел другой страх. Утвердившись у себя дома, он, естественно, задумался над тем, что будет, когда мальчишки в школе обнаружат, что их победитель ни чуточки не страшнее их? Он начал усиленно готовиться к этому жуткому дню. В платной конюшне работал хромой и кривой конюх, ходивший за лошадьми и чистивший стойла. Никто не считал его за человека; не то чтобы Запад жестоко относился к увечным – просто на сентиментальность там не оставалось времени.

Мягкосердие проявлялось, только когда о нем просили. Вот никому и не приходило в голову пожалеть Сима Харпера. Одноглазый Сим с деревяшкой ниже колена вместо одной ноги производил отталкивающее впечатление на отчаянных беззаботных ковбоев, за чьими лошадьми он приглядывал, когда они приезжали в городок покутить. К тому же он не отличался болтливостью.

Кто-нибудь сказал бы, что к такому не подступиться, особенно восьмилетнему малышу – именно в этом возрасте Питер впервые познакомился с конюхом. Их дружба возникла после одного случая. Как-то поздней весной Питер отправился на рассвете пошарить по птичьим гнездам, и так получилось, что в тот момент, когда он проходил под окном Сима Харпера, сей почтенный господин облачался для дневных трудов и, высунувшись из окна, выронил из рук деревянную ногу. Деревяшка упала прямо в руки Питеру. Сим Харпер горестно застонал. Деревенская шпана уже не раз похищала ногу, и ему приходилось ковылять по улицам на костылях, уговаривая своих мучителей вернуть – разумеется, не безвозмездно – его сокровище. Но на сей раз, к его удивлению, Питер Куинс без уговоров проворно взобрался на дерево и, рискованно повиснув на суку, сам отдал хозяину его протез. Ситуация возникла весьма напряженная.

Харпер не произнес ни слова. Его худое неприятное лицо тоже ничего не выражало. Но Питер Куинс понял все. Ребенка не обманешь, особенно такого ребенка, как Питер, живущего у чужих людей. Дня через два он забежал в конюшню и стал наблюдать, как Сим довольно небрежно чистил коня, хотя это считалось вполне достаточным на Западе. После работы они разговорились. Уже через полчаса Сим знал о тайном желании Питера, о его заветной мечте – стать таким ловким и сильным, чтобы противостоять любому храбрецу, который пожелает загнать его в угол. И пусть тогда вся школа увидит в нем, в Питерс, соперника, оправдывающего унаследованную от отца внушающую страх репутацию. Разумеется, Питер не разглагольствовал об этом в таких подробностях, но главное скоро стало понятно.

- Ну что ж, - ухмыльнулся Сим, - я очень рад, что ты пришел ко мне, малыш. Ты и не догадаешься, где я работал, до того как попал под колеса судьбы, а вернее, пережил крушение поезда.

- Где? - спросил Питер.

- На ринге! - выпятив грудь, гордо заявил он.

- Что такое ринг? - поинтересовался мальчик.

Собеседник с жалостью поглядел на него.

- Да, не шибко много ты знаешь, - прознес он наконец. - Но может быть, научишься, когда покажу. Руки кверху!

Питер последовал скорее не команде, а примеру конюха. Тот занял оборонительную стойку - левая деревяшка и левая рука выставлены вперед, сжатая в кулак правая готова нанести удар, маленькие глазки возбужденно поблескивают.

- Нет, нет! - воскликнул Сим. - Не так! Делай как я!

Питер в точности повторил позицию.

- Теперь бей меня в живот.

Мальчик удивленно заморгал, но, видя, что к нему обращаются всерьез, размахнулся изо всей мочи. Но резкий выпад Сима отшвырнул его кисть в сторону, и удар пришелся по воздуху. В ответ же он получил хорошую затрещину по физиономии. Уязвленный неудачей, он, размахивая руками, ринулся на обидчика, но всякий раз его кулаки наталкивались на сильные жилистые руки. В конце концов Питер отпрянул назад, выбившийся из сил, но не утратив охватившей его злости.

- Так нечестно! Я тебе покажу! - звенел тоненький голосок.

И тут, к своему удивлению, Питер увидел, что Сим улыбается.

– У тебя дело пойдет, сынок, – похвалил конюх. – Дай только показать тебе приемчик-другой. Если хочешь меня достать, делай как я – перенеси вес с пятки на носок...

Так началась учеба. Сим показывал по одному приему зараз. Спешить им было некуда – годками Питер еще не вышел. В свой срок он усвоил первый из множества секретов – как пользоваться прямой левой, этим кончиком рапиры, который держит противника на расстоянии, отражает его выпады, заставляет раскрыться, превращая в беспомощную жертву, и создает основу, чтобы в конце концов его достал сокрушительный удар правой. Питер отработывал этот выпад, учился вкладывать в удар весь вес своего маленького гибкого тела, учился после глубокого нырка молнией возвращаться в исходное положение. Словом, учился с таким же старанием, с каким английский йомен в древности практиковался в стрельбе из лука или юные рыцари во времена поединков осваивали премудрости владения мечом. Выпадом левой он овладел в совершенстве. За ним последовали другие хитрости. В частности, блестящий и очень сложный косой удар правой, который применяют, когда противник промахивается. Косой правой – это сочетание танцующего движения и мощного удара. Питер научился делать и сложный выпад левой ногой – приподнимаясь на носок, затем, опускаясь на полную ступню, одновременно стремительно заносить правую руку над плечом противника, заканчивая боковым в челюсть. Он часами отработывал этот прием на Симе Харпере, останавливая руку в самый последний момент. Но много чему еще оставалось научиться – так много, что Питер порой терял всякую надежду. Однако Сим всякий раз поддерживал в нем стремление продолжать. Питер освоил движение корпусом, придающее потрясающую силу апперкоту, и судорожный рывок всем телом, от головы до кончиков пальцев, передающий весь вес в короткий, всего в несколько дюймов, удар. Сложное передвижение, когда шаг правой сопровождается ударом справа, а за ним следует синхронное движение левой руки и левой ноги, теперь тоже не представляло для него трудностей. Он хорошо двигался, плавно скользил, а не плясал вокруг противника.

– Ибо, – твердил ему Сим, – опытный боец три четверти блокировок и половину ударов совершает за счет ног. Сближаешься и отходишь, а коли бьешь, бей коротко и точно.

Уроки продолжались два долгих года, а когда Питеру стукнуло десять лет, пришло время держать экзамен.

Глава 2

Мальчик подрастает

Пожалуй, имеет смысл описать внешность Питера на одиннадцатом году жизни. Он вытянулся, стал стройнее. Детское личико утратило ангельскую округлость и девичьи черты, в резких очертаниях проглядывала мужская красота. Но когда он снимал шляпу и перед зрителем представали светло-золотистые локоны, контрастировавшие с глубокой синевою глаз, во внешности Питера Куинса проглядывало нечто необыкновенное; красота эта не подходила под определение «женственная», но и о жестком мальчишеском облике говорить не приходилось.

Жизнь его протекала достаточно безмятежно. Миссис Эндрюс, сама того не сознавая, постепенно превратилась в его преданную рабыню. По этой самой причине его от души ревновали другие дети, но благодаря тысяче мелких непринужденных знаков внимания он сохранял свое место в душе мачехи, как сохранял и расположение отчима, которого он добивался, демонстрируя интерес к работе в кузнице. Питер сумел отковать себе легкий молот и научился со всего маху бить им под указку молоточка Эндрюса. Несмотря на разъедающий глаза дым, когда он раздувал мехи, ему удавалось сохранять на лице улыбку и полный внимания взгляд. Так был покорен Билл Эндрюс; его собственные отпрыски страшились кузницы.

К этому времени Питер Куинс, несомненно, стал законченным маленьким притворщиком. Никому не позволялось знать, что у него на уме. Ни закадычных друзей, ни даже просто товарищей он не мог себе позволить, ибо, подружись с кем-нибудь из ребят поближе, Питер непременно разоблачил бы себя, и его приятели скоро бы обнаружили, что в этом сыне известного преступника нет ни прирожденной тайны, ни скрытой силы. И мальчик всеми силами старался сохранить этот ореол таинственности, понимая, что без него предстанет перед миром совершенно голым. Он прекрасно осознавал, что семейство Эндрюс было радо иметь его в своей среде, потому что его имя связано с чем-то необычным и внушавшим страх. Точно так, как иногда люди берут в дом бультерьера, – они дрожат от мрачных предчувствий, но им очень хочется показать себя: еще бы, вместо домашней болонки запросто держат грозного царя собачьего рода.

Питеру доводилось слышать похвалы соседей в адрес миссис Эндрюс, которой-де хватило смелости взять в свой дом это злодейское отродье; и он не раз становился свидетелем того, как она небрежно отмахивалась от их разговоров. Но, зная миссис Эндрюс, Питер Куинс не обманывался в отношении ее подлинных чувств. Она обожала его, как обожают красивую картину, хотя и постоянно относилась с опаской.

Чтобы еще больше нагнетать вокруг себя атмосферу отчуждения, Питер выработал собственную, необычную в чужих глазах манеру поведения. Держался особняком. Это вызывало бесконечные пересуды о том, что он не такой, как все дети. Мальчишки, конечно, слышали эти разговоры и из осторожности перед непонятным старались с ним не связываться.

Все обстояло так по крайней мере до тех пор, пока в школе не появился новый ученик. Звали его Джек Томпсон. Ему уже исполнилось одиннадцать. Квадратная фигура, покрытая мощной и твердой как резина мускулатурой. Первую неделю он молотил старших школьников, вторую – посвятил развенчанию тайны Питера Куинса. И затем в роковую пятницу сразу после уроков принялся за самого Питера.

Это был незабываемый бой. Питер, побледневший, дрожавший от ужаса, что приемы Сима Харпера не выдержат испытания на практике, встретил первый натиск отработанным до автоматизма движением прямой левой. По жилам растеклось тепло, когда он увидел, что натиск этот отражен и Джек едва удержался на ногах. Второй натиск встретил аналогичный отпор, а затем Питер, шагнув вперед, легко приподнялся на носках и, взмахнув рукой поверх плеча Джека, нанес блестяще скоординированный косой удар правой. Удар пришелся «в яблочко», то есть по челюсти, и Джек рухнул на землю.

Почти невредимый, громила моментально вскочил на ноги, но Питер уже шагал прочь. Продолжать бой, каким бы успешным ни получился исход, значило, что он такой, как все.

– Подержите-ка Джека, – презрительно бросил он зрителям. – Не хочу его калечить.

И Джека схватили и стали удерживать. Вторым ударом левой ему рассекло губу. Всего лишь царапина, но кровь размазалась по лицу, отчего оно выглядело

ужасно. И хотя Джек храбро рвался продолжить борьбу, ребята крепко держали его, объясняя, что это равносильно тому, что лезть с кулаками на стену.

А Питер Куинс, дрожа от облегчения, неторопливо двинулся прочь. Он прекрасно представлял, что случилось бы, если бы драка продолжалась. Возможно, ему бы удалось раз-другой сбить соперника с ног, но рано или поздно один из могучих выпадов Джека достал бы и его, и тогда ему пришел бы конец. Он победил – но скорее морально, нежели физически. Потом за ужином его сводные братья восхищенно рассказывали, как Питер с трех ударов уложил терроризировавшего школу новичка, что вызвало гордую улыбку у Билла Эндрюса.

– Вот что значит каждый день махать молотом! – назидательно промолвил он.

И Питер не возражал.

При встрече с Симом Харпером он горячо поблагодарил его за учебу. Но кто-кто, а Питер знал, что заслуга Сима в его успехе весьма незначительна. Настоящая заслуга принадлежала ему самому – он победил умом, а не кулаками. Так уж вышло, что с самых ранних лет мальчик усвоил для себя важную истину, что в битвах побеждают и силой, и хитростью, причем хитрость куда важнее силы.

Все эти умозаключения, разумеется, выглядели бы довольно безобидно, имей Питер возможность поделиться ими с приятелем, но поскольку друзьями он не обзавелся, то подолгу втайне от других размышлял над поразившим его открытием. Раз и навсегда он усек, что скрытность – путь к славе и превосходству. Питер поблагодарил двух близких ему людей за успех, принадлежавший главным образом ему самому. Те многословно распространялись о своих заслугах, он же переживал свою радость молча.

Естественно, все это оказалось чревато для самого Питера. Ему бы выплеснуть свою бурную радость наружу. А он лишь сдержанно улыбался, занятый совсем другими мыслями.

Разумеется, все это не имеет прямого отношения к словам и делам нашего героя, когда он стал взрослым. Но оно достойно упоминания, прежде чем мы перейдем к собственно рассказу. Иначе было бы слишком легко осуждать Питера Куинса за его поступки, тогда как на самом деле он стал всего лишь жертвой сложившихся обстоятельств и не по годам раннего развития. Этот

парень размышлял о жизни и обдумывал свои поступки в том возрасте, когда большинство детей лишь чувствуют, едят и спят. И драка с Джеком Томпсоном, несомненно, наложила на формирование его характера не меньший отпечаток, чем тот факт, что он пришел в этот мир сыном грозного Джона Куинси.

Произошло и еще одно важное событие, которое логически завершило первоначальное образование Питера. Мальчику тогда исполнилось двенадцать. Как-то ранним воскресным утром во дворе позади дома он наткнулся на оборванца с широкой улыбкой на небритой физиономии. Тот представился как Проньра Миссисипи и в благодарность за завтрак угостил юного Куинса долгими рассказами о поразительной красоте горах и залитых солнцем долинах, о праздной жизни, об удивительных приключениях и путешествиях зайцем по железным дорогам через весь континент. Сказки эти настолько захватили воображение мальчугана, что, когда ночью под окном раздался условленный свист бродяги, Питер в один миг соскочил с кровати, собрал узелок, прокрался по лестнице и исчез в ночи.

Он пропадал долгих девять месяцев. Вернулся исхудавшим, загорелым и еще более неразговорчивым. Никто не мог вытянуть из него и полслова о том, где он скитался, что видел и что заставило его покинуть дом. Но время от времени с его уст срывались незнакомые фразы и выражения. Похоже, он побывал во всех штатах и крупных городах страны. В его голове скопился кладезь информации о пеших путях и железных дорогах от Техаса до Монтаны и от Калифорнии до Манхэттена. Но никому не удавалось услышать от него что-либо интересное. По отрывочным фразам окружающие только догадывались о самых невероятных местах, в которых он побывал.

Но Питер привез с собой из странствий одну новую черту, которая вновь открыла перед ним сердца семейства Эндрюс, позволив опять, несмотря на неразговорчивость, занять в нем свое место. Он запел, и запел невероятно мелодичным голосом, от которого мурашки бежали по коже. Под гитару парень исполнял совсем новые неведомые песни. Слушая мальчишеское сопрано, обитатели деревни забывали о необычном происхождении его обладателя. Венцом же всего явилось участие Питера Куинса в местном церковном хоре!

Из всех юношеских грехов Питера этот, пожалуй, можно определить как самый тяжкий. Ибо когда он пел в хоре, прихожанкам при виде его обрамленного золотыми кудрями юного личика порой казалось, что под широкой мантией сложены ангельские крылышки. Им было невдомек, что эти сияющие глаза не

выражали ничего, кроме насмешки над их глубочайшим восхищением!

К этому времени образование Питера практически заканчивается. Он научился драться, обманывать и обвораживать. Следующий шаг ведет нас значительно дальше, к тому моменту, когда Питер уже предстает зрелым мужчиной и разворачиваются настолько важные события, что о них стоит рассказать полнее.

Глава 3

Тропа, уводящая из дому

Одни становятся мужчинами в тот день, когда покидают отцовский дом и начинают создавать свою семью. Другие достигают зрелости в тот момент, когда применяют в деле собственный ум и либо выигрывают, либо проигрывают. Некоторые становятся мужчинами, когда поступают в колледж, а другие – оканчивая его. А вот Питер Куинс стал мужчиной, когда сделал открытие, что покорение девичьих сердец может стать интересной, захватывающей игрой.

Несомненно, это не очень достойное уважения качество, но наше повествование не имеет целью нарисовать идеального героя. Оно представляет собой лишь попытку изобразить Питера Куинса таким, как есть: с многочисленными грехами и слабостями, но и с теми добродетелями, которыми он, по воле судьбы, обладал. Да и как иначе мальчик может ощутить превращение из юноши в мужчину? Еще подростком он познал то, что большинство детей познают в зрелом возрасте. Оставил дом и бродяжил по всей стране. До последнего защищался собственными кулаками. Жил особняком от сверстников. Брошенный на произвол судьбы, полагался только на себя.

Покидая дом Билла Эндрюса в поисках счастья, Питер Куинс не испытывал романтических чувств при расставании с прошлым и не заглядывал далеко в будущее. Он уже раз уходил из дома, и в этом смысле не искал ничего нового. Но на сей раз предшествовало и послужило прямой причиной его расставания с домом Эндрюса совершенно иное событие.

Питер впервые появился на танцах, когда ему исполнилось семнадцать. Не то чтобы он не умел танцевать. Он с ранних лет чувствовал мелодию, а от задорных тактов в жилах быстрее бежала кровь. Непонятно отчего становилось весело, а когда парню весело и любопытно, ему не устоять в стороне. Так и Питеру Куинсу очень хотелось танцевать вместе с другими.

Однако он не мог этого сделать, не отступив от того пренебрежительного равнодушия по отношению к своим сверстникам, которое он поневоле напускал на себя с раннего детства и за которое по-прежнему фанатически цеплялся. Ибо на него до сих пор указывали пальцем как на сына Джона Куинси. Не спасало и небольшое изменение фамилии. В свои семнадцать он, как и в семь лет, все так же отчаянно старался оправдать приписываемые ему качества. Кулаки больше не могли служить единственным аргументом. Теперь он ежедневно не меньше часа старательно практиковался в стрельбе из револьвера. Научился быстро выхватывать его из кобуры и без промаха попадать в цель. Но чувствовал, что этого мало.

Так умели тысячи других. Он должен выхватывать оружие так скоро, чтобы глаз не успевал уследить за его движениями, быстро, без промаха стрелять с обеих рук, иначе он недостойн называться сыном Джона Куинси. Вот почему он добросовестно трудился, не пропуская ни дня. По-прежнему держался в стороне от сверстников. Общался с людьми старше его – в кузнице, где он играючи махал четырнадцатифунтовым молотом; в церкви, где солировал теперь высоким баритоном. Но никогда не забывал, что его напускному трудолюбию и притворной святости может наступить конец. Настанет день, когда придется иметь дело со сверстниками, и тогда...

Что касается танцев, то он украдкой следил, как танцуют, запоминал движения и практиковался так же старательно, как и в стрельбе. И тут наконец пришло время, его умение востребовалось. Как-то после службы он задержался в дверях церкви. Почти все разошлись. В наступившей тишине неожиданно снаружи донеслись девичьи голоса.

– А Питер Куинс? – спрашивала одна.

– О-о, – насмешливо заметила другая, – Питер Куинс вроде бы парень как парень, а на деле словно деревяшка – такая здоровая дубина!

И до Питера донесся их мелодичный смех, который вызвал в нем странное ощущение. Его звуки заставили трепетать каждый нерв и учащенно биться сердце. Этот смех напоминал ранний весенний день, пение прилетевших птиц, бегущие по оконному стеклу тени облаков и чистый прохладный воздух. Он отважился выглянуть наружу и первой увидел смеявшуюся вместе со всеми Мэри Миллер. На ее месте могла оказаться любая, но так случилось, что он увидел Мэри, и ее лицо стояло у него перед глазами, когда он позднее брел к себе домой.

Мэри считалась девушкой Билли Эндрюса. При этой мысли Питера бросило в краску. Билли, несомненно, рассказывал ей все о своем сводном брате, и конечно же все, что говорил, – не в пользу Питера. Ибо Билли, здоровый увалень, весивший в свои двадцать лет на тридцать фунтов больше Питера Куинса, не годился тому даже в подметки, когда дело касалось умения орудовать в кузнице отца четырнадцатифунтовым молотом. По этой причине, да и по другим, он ненавидел Питера, а тот в свою очередь презирал его. Но на этот раз, направляясь домой, он обнаружил, что зауважал Билли, как никогда раньше. Пускай Билли неуклюжий увалень, но сила в нем есть и, во всяком случае, им интересуется такая девушка, как Мэри.

Ее лицо преследовало Питера. К нему больше чем достаточно проявляли любопытство, побаивались его и даже испуганно шарахались прочь, но еще не случалось, чтобы над ним смеялись. С одной стороны, это его злило, а с другой – отчасти пугало. Он страдал от того, что бессилён дать отпор. Если бы над ним посмеялся парень, то получил бы ответ на кулаках. Посмейся над ним старый человек, он бы насмешливо огрызнулся. Даже старой женщине нашелся бы кое-что сказать. А вот перед лицом девушки – спасовал, почувствовал себя беспомощным. Если они смеялись над ним, единственный ответ – посмеяться вместе с ними. Но как можно посмеяться и не выставить себя дураком?

В конце концов он решил, что нужно обязательно найти способ поговорить с Мэри Миллер. Ему хотелось посмотреть, рассмеется ли она ему в лицо. Если да, то он конченный человек. Вот почему Питер Куинс принял решение отправиться на танцы. Танцы устраивались в тот же вечер, и Питер неожиданно для всех появился в зале. Это не представляло сложности. Приходить на танцы вместе с девушкой не являлось обязательным. В округе всегда не хватало девчат, и обычно на танцах кавалеров без дам подпирало стен не меньше тех, кто являлся с партнершами.

Когда Питер Куинс переступил порог зала, сердце его ушло в пятки. Стараясь держаться как можно более независимо и безучастно, он не спеша прошел в угол и уселся на стул, но даже эта лишь отчасти успешная попытка стоила ему огромных усилий. Он с детства привык притворяться, но никогда еще его притворство не подвергалось такому испытанию. Присутствовавшие здесь, чтобы наблюдать за порядком да покружиться в уголке в старомодном вальсе, взрослые при появлении Питера раскрыли рты от изумления. Удивленно наблюдали за ним сверстники; девицы потеряли дар речи. Правда, произведенная им суматоха позволила ему собраться с мыслями.

Запомнилось на всю жизнь, как заговорил с наблюдавшей за порядком соседкой, как та, поднявшись со стула, стала учить его танцевать. Никогда не забудет, как за ними с ухмылкой наблюдали деревенские юнцы.

Им представилось неожиданное удовольствие, редкое счастье увидеть Питера Куинса неуклюже спотыкавшимся на ровном месте. Они злорадно потирали руками. Но Питер, подавляя самолюбие, продолжал переступать ногами. На глазах у всех он поступался своей гордостью и самоуважением, но ему все же удалось, скрывая краску стыда, внешне добродушно смеяться и болтать с матронами, любезно соизволившими обучать его танцам.

С преувеличенной неуклюжестью протанцевав с ними несколько танцев, он зашагал через весь зал к тому месту, где сидели рядышком Билли Эндрюс и Мэри Миллер. С первых же минут Питер, что бы он ни делал, думал только о присутствовавшей в зале этой рыжеволосой красотке с голубыми глазами. Главная же ее прелесть заключалась в живой кокетливой мордашке.

– Билли! – подойдя к ним, позвал Питер, отметив про себя, что Мэри продолжает болтать, не обращая на него внимания. – Надеюсь, ты познакомишь меня с мисс Миллер, а она поучит меня танцевать.

Билли взглянул на него со злобой, смешанной с подозрительностью и страхом. Кто-кто, а он хорошо знал, что Питер Куинс не такой безобидный, как кажется. И на этот раз парень тоже почуял опасность. Однако отказать в просьбе не нашел предлога. Так что пару минут спустя Питер и Мэри Миллер двинулись в танце, причем у Питера получалось на удивление гладко. Никто бы и не подумал, что это он совсем недавно под руководством солидных наставниц с трудом осваивал свои первые па.

– Я полагала, танцевать ниже твоего достоинства, – язвительно заметила Мэри.

– Я передумал, – сказал Питер Куинс.

– По какой такой причине?

– Когда в прошлое воскресенье увидел тебя.

– Питер Куинс! – укоризненно воскликнула Мэри.

– Не веришь? – произнес Питер, грустно глядя на нее своими большими глазами. Бросив на него испытующий взгляд, она быстро и как бы испуганно отвела глаза. Правда, она не отстранилась от Питера, и он решил, что не все потеряно. – Мне действительно очень нужно с тобой поговорить. Пойдем поговорим, а? Мне так много надо тебе сказать.

– Что такого ты хочешь сказать? – спросила Мэри. – Разве нельзя, пока танцуем?

– Музыка мешает. Неужели не понимаешь?

Она молчала целый круг, пока снова не приблизились к двери.

– Ладно! – наконец согласилась она и, высвободившись из его рук, быстро проскользнула мимо толпившихся в дверях парней на ночную улицу, где между деревьями уже прогуливались парочки. – Так что ты хотел сказать?

Питер не имел ни малейшего представления, что надо говорить. Он попросил ее выйти на улицу только для того, чтобы проверить, послушает ли она его хоть капельку. И вот она перед ним – что же ему теперь делать?

– Отойдем подальше! – попросил Питер. – А то услышат.

– Смеешься! – рассердилась девушка. – Видно, тебе нечего сказать!

– Неужели? – неизвестно почему рассмеялся он. Но увидел, что смех оказался действеннее слов. Он до того заинтриговал Мэри, что та сдалась.

- Ты какой-то чудной, - пожала она плечами. - Что у тебя на уме?

- Ты, - заявил Питер.

Они нашли достаточно уединенное местечко в уголке, за двумя большими и несколькими молодыми деревцами. В свете звезд девушка казалась ему красавицей. Кто бы мог подумать, что какой-то год назад она выглядела гадким утенком! У Питера сладко затрепетало сердце. Он увел ее просто потому, что так хотелось, а вот теперь?

- Ты совсем не такой, как другие, - заговорила она. - Я не поверила своим глазам, когда увидела тебя на танцах.

- Никак не мог удержаться. Знал, что ты будешь там!

А сам внутренне смеялся - представляя, что она невольно начинает верить.

Какая же она дурочка и какой он дважды дурак, когда так страшился девчонок, если они все такие же, как она!

- Знаешь что, Мэри? - произнес он изменившимся голосом, так что она даже чуть отстранилась.

- Что? - затаив дыхание, прошептала девушка.

- Когда сквозь листья падает свет...

- Ну?

- ... ты в нем такая красивая...

- Ты... ты... ты дурачок, Питер!

- ... что я тебя даже немножко боюсь, честное слово!

- Питер Куинс!

– Я серьезно. Понимаешь, что я сейчас чувствую?

– Похоже, ты готов сморозить какую-нибудь глупость, Питер. Но все равно говори.

– Я словно вижу счастливый сон и боюсь пошевелиться или заговорить, иначе проснусь и снова окажусь в углу зала рядом с миссис Барфитт.

Она еле слышно засмеялась, но так счастливо, что Питеру подумалось, неужели он может доставить столько радости. Он решил испытать ее и, шагнув ближе, взял руки Мэри в свои. У нее задрожали пальцы, но рук она не убрала, и Питеру казалось, что он завладел частичкой ее ума и души.

– Похоже, ты уже не боишься проснуться, Питер.

– Скажи, что ты хотя бы наполовину так счастлива, как я.

– Питер Куинс, где ты научился говорить девушке такие слова?

– Я собирался говорить тебе другие слова, Мэри. Но они вылетели у меня из головы. Я лежал по ночам, думая, что тебе скажу...

– Все это правда, Питер? Ты действительно давно обо мне думаешь?

– Уже много месяцев.

– И ни разу не взглянул в мою сторону?

– Я думал, что это нечестно... из-за Билли.

– Билли не в счет. Знаешь, почему я встречалась с ним? Он мне рассказывал о тебе, Питер!

«До чего же ловкая лгунья, – усмехнулся в душе Питер. – В воскресенье она же называла меня дубиной!» А вслух спросил:

- И что же он тебе говорил?

- Очень много, но все это не стоит и одной минуты рядом с тобой!

- Мэри! - позвал издали голос Билли Эндрюса.

- А вот и он, - заметил Питер.

- Какой дурак!

- Здесь он нас не найдет.

- Мне надо вернуться, Питер. О, там начинают следующий танец!

Он отпустил ее руки. Она заспешила в сторону дома, потом обернулась:

- Ты сердишься, Питер?

- У меня нет права сердиться; очень хочу себя в этом убедить.

- Питер, дорогой! - воскликнула Мэри и, шагнув к нему, поцеловала в губы, тут же убежав. В этот момент Питер заметил стоявшую в тени фигуру, а затем услышал голос Билли Эндрюса.

- Подлец! - крикнул Билли. - Грязный негодяй!

- Не будь дураком, - ответил Питер, поражаясь собственному спокойствию. - Она всего лишь практиковалась на мне, чтобы потом целоваться с тобой.

- Это все твои хитрые речи! - распалялся Билли. Здесь крылась одна из причин, почему он всегда ненавидел Питера. Они вместе учились в одной школе, и из-за того, что Питер легко болтал языком и быстро хватал все, чему учили на уроках, он постоянно достаивался похвал, а Билли чувствовал себя незаслуженно ущемленным.

- Придет время - подрежут твой болтливый язык, - пригрозил названный братец.

– Дурак ты, – зевнул в лицо ему Питер.

Результат оказалась непредвиденным. Билли вообще не отличался миролюбием, но кто мог ожидать, что на сей раз он схватится за оружие? Однако именно это и случилось. У бедра блеснул длинноствольный кольт, но первый выстрел раздался с другой стороны – Питер словно фокусник извлек из-под одежды свой револьвер. Билли, охнув, повернулся и рухнул лицом вниз.

Рана оказалась нетяжелой. К тому времени, когда сбежались люди, револьверы спокойно лежали в кобурах, и Билли сумел убедить собравшихся, что он выстрелил случайно, балуясь с оружием. Его перевязали и отвезли домой, но Питер Куинс понял, что его жизнь в этом доме подошла к концу. После случившегося оставаться под одной крышей с Билли стало невозможно. Да и самому ему, по правде говоря, больше не хотелось здесь оставаться. На свете много таких девушек, как Мэри, – есть даже и получше, – и он пойдет по тропе, которая ведет к ним. Питер подошел к миссис Эндрюс, как только та оставила изголовье сына. Она окинула его ледяным взглядом.

– Думаю, Билли вам рассказал, как вышло? – заметил Питер. Она промолчала. – Я пришел попрощаться.

– Убийца! – крикнула ему в лицо миссис Эндрюс.

Юноша отправился к приемному отцу и в темной спальне рассказал Биллу Эндрюсу все как на духу. Кузнец по свойственной ему привычке некоторое время молча обдумывал его слова.

– Питер, – наконец заговорил он, – мне жаль, что ты уходишь, но было бы много хуже, если бы ты остался. И не только из-за нас, а потому, что тебе дано летать выше. А если не взлетишь, то собьешься с пути. Но мне совсем не хочется, чтобы мои парни пошли за тобой.

Выслушав напутствие, Питер направился к Симу Харперу и поднял старика с постели. Раскурив трубку, Сим внимательно выслушал рассказ парня.

Дослушав до конца, заговорил:

– Помни, сынок, рабочая рука – левая. Если противник закрывается, шуруй левой, а как откроется – кончай правой. Бей коротко и точно и не забывай двигаться.

Ворча по поводу ремней, пристегнул ногу и спустился с Питером до двери.

– Когда-нибудь, – чувствуя комок в горле, хрипло произнес его воспитанник, – я вернусь за тобой, Сим, и отвезу в такие места, где тебе до конца дней не придется работать.

– Проклятие! – прорычал Сим Харпер. – Неужели я такая развалина? Прощай, парень, да благословит тебя Бог!

Итак, Питер двинулся по улице на своих двоих: конем он еще не обзавелся. Все свои пожитки он нес в руках, часть расставив по карманам. Перед ним бежала тропа, уводившая из дому. Из всех людей, встреченных им за оставшиеся позади годы, с грустью он расставался лишь с двумя существами – Симом Харпером и человеком, лицо которого почти забыл, – Джоном Куинси.

Глава 4

Злой Рок

К утру он прошагал двадцать миль и добрался до ближайшей железной дороги. Здесь убедился, что не растерял ничего из того искусства, которое приобрел за девять месяцев бродяжничества. Забрался на тормозную площадку и за день уехал далеко за пределы округа. Когда стемнело, соскочил возле какого-то затерявшегося в горах селения и отправился на добычу. Проныра Миссисипи почитал делом чести «стучаться» только в самые большие дома. Питер Куинс почти во всем следовал его примеру, если не считать, что гордость не позволяла ему просить. Посему он принялся шарить позади большого особняка в конце деревенской улицы. Это украшенное башенками сооружение в викторианском стиле, несомненно, принадлежало достаточно состоятельному жителю.

Питер Куинс как обезьяна вскарабкался к окну второго этажа и проник внутрь. Его интересовали деньги и еда. Деньги – двадцать пять долларов – нашлись в

комнате в передней части дома. Питер забрал купюры и оставил вместо них свой кольт, стоивший полсотни. Выбрался обратно тем же путем, через заднее окно, и, не думая о том, что отныне на нем кража со взломом, которая тянет на много лет отсидки, не спеша направился в отель, где от души наелся, и под покровом ночи двинулся дальше.

Соснув часов пяток в стогу сена, не стал задерживаться и с удовольствием бодро потопал вперед. Бодрящая ночная прохлада, яркие звезды, напоенный волшебным ароматом сосен горный воздух делали его путешествие легким и умопомрачительно прекрасным. На рассвете вышел к небольшой чудесной долине – посередине, причудливо извиваясь, искрился ручей, тут и там виднелись живописно разбросанные могучие деревья. На расчищенном участке – хижина. Из трубы к верхушкам деревьев поднимается дымок и, раздуваемый ветром, тает в вышине. Проголодавшемуся Питеру дымок обещал все, что надо. Но куда заманчивее показался стоявший в коррале рядом с хижинкой конь светлой масти – Питер с первого взгляда понял, что конь этот предназначен для него и ни для кого больше.

Он направился напрямик к корралю и, перегнувшись через ограду, принялся похозяйски разглядывать своего коня так, словно купчая на скакуна уже лежала у него в кармане. Такое ощущение приходит очень редко, один раз в жизни, и тогда счастливец становится обладателем того единственного коня, какой ему сужден по жизни. Конь явился той последней частичкой, которая завершает мозаичную картину счастья. С этого момента счастье не покидает его в течение всего времени, пока с ним конь. Его конь. Если ради обладания им надо убить – убивают, и не остается никаких угрызений совести. Надо украсть – крадут.

Не в силах оторвать глаз от коня, подобные чувства испытывал в данный момент и Питер Куинс. Этот светлый со стальным отливом красавец представлялся ему массой живого трепещущего пламени. Высотой никак не меньше пятнадцати ладоней и трех дюймов и с такими могучими мышцами, что в покое он выглядел стройным, изящным, а пошевелившись, представал богатырским конем. Да и стоит ли описывать? Питер Куинс не думал о деталях. Душу заполняла одна радостная, торжествующая симфония. И если он отмечал про себя узкую квадратную морду или изгиб хвоста, свидетельствовавший о поразительной резвости, то только сквозь туман охватившей его радости. Целых полчаса в немом восторге парень разглядывал жеребца, а оторвав взгляд, не мог припомнить ни одной детали, но уже не сомневался, что узнает его даже по отдаленному стуку копыт.

Придя в себя наконец, обнаружил, что за ним следят. Вообще говоря, она стояла почти перед ним. Закатанные по локоть рукава, в одной руке скамеечка для дойки, в другой – ведро с дымившимся парным молоком, отчего в желудке у Питера начались голодные судороги. Позади к дневному пастбищу брела корова.

– Будешь доказывать, – заметил Питер, – что ты доила корову, а я не видел?

– Прямо у тебя под носом, – подтвердила она. Откинув голову, рассмеялась так весело и непринужденно, что окончательно покорила его. – Ты был так занят, разглядывая Злого Рока. Давно здесь стоишь?

– Значит, его зовут Злой Рок? – переспросил Питер.

– Да. Так его зовет дядя Дэн. И справедливо. С тех пор как Злой Рок появился здесь, все пошло кувырком.

– Ну что ж, – заметил Питер, – скоро все встанет на круги своя. Знаешь, этот конь для меня. – Уголки губ и жилка на шее дрогнули в робкой, неуверенной улыбке, от которой вокруг стало еще светлее. – Seriously, – добавил Питер. – Злой Рок – мой конь!

– Не дай Бог услышит дядюшка Дэн, – предупредила она. – У дяди Дэна ужасный характер.

– Тогда поговорю с твоим дядюшкой.

– Только не о Злом Роке.

– Почему бы и нет?

– Он приходит в ярость при одном упоминании.

– Тебе лучше знать своего дядюшку, – согласился Питер.

Она вздохнула:

- Останетесь позавтракать, мистер?...

- Питер. Питер без «мистера», мисс э-э...

- Мэри, - ответила она, и они оба рассмеялись.

- Умираю с голоду, - расцвел Питер.

- Я рада! - заявила девушка. - То есть... словом, понимаешь.

- Конечно. Сюда, Злой Рок!

- Не подпускай его. Ужасный зверь. Только и думает цапнуть зубами или лягнуть. Мало кому удавалось его обуздать!

- Гляди! - весело сказал Питер.

Он нагнулся, сорвал пучок травы и протянул жеребцу.

Питер ничуть его не боялся. Он точно, будто читал книгу судеб, знал, что последует. Смотрел на девушку, не на коня. Злой Рок подошел и взял траву из его рук.

- О-о! - удивленно воскликнула Мэри. - Ты волшебник.

- Если это волшебство, то я волшебник, - согласился Питер. - Молодчина, Злой Рок.

Он погладил коня по белому лбу. Жеребец подошел ближе и тронул губами поля шляпы.

- Глазам не верю! - воскликнула Мэри.

- Никто ему раньше не доверялся, - объяснил Питер. - Держу пари, всегда подходили к нему с плетью и со шпорами. Иди сюда, попробуй.

Она приблизилась, но как только протянула руку, Злой Рок, яростно прянув ушами, чуть не схватил ее за пальцы. Девушка с визгом отскочила, а Питер, удивленно качая головой, взглянул на нее и обнял светлого красавца за шею.

- Необъяснимо, - произнес он, - но совершенно ясно одно - что мы, Злой Рок и я, поняли друг друга.

- Когда увидит дядюшка Дэн, он потеряет дар речи.

- А вообще-то он говорит? - спросил Питер, подхватывая ведро с молоком и направляясь вместе с ней к хижине. Она быстро взглянула на него:

- Ты не представляешь, что за человек дядюшка Дэн Томас!

Этого было достаточно, чтобы подготовить его к предстоящей встрече, - этого и плачевного состояния хижины, в которой жили Мэри и ее дядя. И все же он немного оробел, увидев в дверях громко зевавшего громадного мужика с растрепанной копной черных волос и налитыми кровью глазами, набивавшего свою первую трубку.

- Кого еще черт принес? - проворчал он, глядя на Мэри.

- Это Питер.

- Питер и как его дальше?

- Питер, голодный человек, - улыбаясь монстру, представился тот.

- В моем доме не держат лишних цыплят, - бросил дядюшка Дэн Томас. - Топаи дальше, парень.

Питер колебался. Он видел, как девушка от обиды и унижения кусает губы, но не может набраться смелости, чтобы вступить за него.

- Если настаиваете, я могу заплатить, - предложил гость.

- Дай взглянуть, какого цвета твои деньги, - проворчал великан.

- Дядя Дэн! - укоризненно покачала головой девушка.

- Замолкни! - приказал он.

Питер послушно достал из кармана купюры. Хозяин, пыхтя трубкой, хмуро поглядел на наличность.

- Добавь пару яиц и пару ломтиков бекона, - приказал он Мэри и с этими словами, не глядя на девушку и гостя, вышел наружу.

Краснея от стыда, бедняжка провела Питера к столу и не успела поднять на него глаз, как снаружи послышался рев:

- И чтобы никакой болтовни в мой адрес. Я не намерен этого терпеть! Достаточно пожил, чтобы со мной обращались как полагается, и могу за себя постоять!

- Ох! - только и промолвила Мэри.

- Дров мало, - добродушно заметил Питер и, взяв в углу топор, не спеша вышел во двор.

Здесь набросился на огромную колоду, быстро разделав ее на поленья. Махая молотом в кузнице, он накачал стальные мускулы, к тому же сил добавляла злость на дядюшку Дэна Томаса. Но, чтобы осуществить замысел завладеть Злым Роком, эту злость требовалось выплеснуть наружу.

Наблюдая за его стараниями, великан подошел поближе.

- Топор держать умеешь, парень, - одобрительно буркнул он.

- Спасибо, - ответил Питер, всаживая блестящее лезвие в твердую колоду. Топор застрял, и, вытаскивая его, он чуть не сломал топорнице.

– Чего не хватает у юнцов, так это ума, – заметил наш любезный горец. – Чтобы делать дело, топору хватает веса, парень. Не надо рисоваться своими мускулами. Гляди!

Бесцеремонно выхватив топор из рук Питера, он принялся за колоду. Говоря по правде, его работа представляла собой образец ловкости и изящества. Полешки летели непрерывным дождем, словно их стругали ножом, и все это совершалось легко и непринужденно. В одно мгновение здоровяк развалил колоду пополам, а потом поделил на мелкие части.

– Вот как надо! – довольно хмыкнул он. – Молодые нынче так не умеют!

При этих словах он швырнул топор, который, бешено вращаясь, пролетел по воздуху и, запущенный весьма хитро, точно впился в одно из стропил дома. Любуясь произведенным впечатлением, дядюшка Дэн грозно поглядел на парня:

– Можешь так?

– Здорово! – ошеломленно выдохнул Питер.

И восхищенно уставился на великана большими голубыми глазами.

Глава 5

Благородство юности

Еще до завтрака Питер отлично поладил с ужасным дядюшкой Дэном Томасом. На Мэри не обращал никакого внимания, и та, глубоко разочаровавшись в госте, сидела за столом с каменным лицом. Питер же ловил каждое слово горца. Что бы ни сказал великан, его юный приятель бурно выражал свое восхищение. Грубую шутку встречал громким хохотом. Жизненную премудрость принимал с не меньшим одобрением. Если дядюшка от удовольствия грохал кулаком по столу, Питер не отставал. В разгар обоюдного веселья дядюшка Дэн наконец обратил внимание на мрачное настроение девушки.

– Погляди-ка на нее, – указал он пальцем, – сидит словно туча. Поневоле потеряешь аппетит! Что – не так?

С этими словами он положил жирные ломти бекона между кукурузными лепешками и зажал огромный сандвич в грязном кулаке.

– Девушка обязана быть любезной, – поддержал Питер.

– А ты соображаешь, парень, – заметил Томас. – Еще как соображаешь! Мэри, слыхала, что он говорит?

– Слыхала, – с насмешкой бросила она.

– Поглядите-ка, еще насмехается! – взревел дядюшка Дэн и так стукнул кулаком по столу, что запрыгала посуда. – Поглядите, как она издевается и смеется надо мной, можно сказать, родной кровью.

– Какая еще родная кровь! – неожиданно выкрикнула Мэри, бросая злой, презрительный взгляд на терпящего такое обращение с ней Питера.

– Разве я не брат жены твоего отца?

– Только не брат моей матери!

– Хватит! – проворчал в ответ дядюшка Дэн. – Надоело, черт побери. Меня учили, что бабье дело подавать на стол и не высовываться! И мне сдается, что в этом есть смысл. Как по-твоему, парень?

– Похоже, вполне разумно, – согласился Питер Куинс.

Мэри в очередной раз испепелила его взглядом.

– А вот мне все время приходится терпеть ее болтовню, – пожаловался дядюшка Дэн. – Никакой благодарности у девчонки. Встревает, когда надо и не надо. И никакого сочувствия старику. Собачья жизнь! Мэри, ступай притащи виски. Как заговоришь о тебе – во рту пересыхает, ей-богу!

Мэри медленно поднялась из-за стола. Ее недовольный вид достаточно красноречиво говорил, что это зелье занимало не последнее место в мыслях и делах хозяина. Девушка принесла из-за двери большую, на три галлона, оплетенную бутылку. Ей стоило труда наполнить стаканы. Питер машинально поднялся помочь, но дядюшка Дэн тут же пресек его попытку.

– Сиди, где сидишь, – подняв огромную грязную ладонь, приказал он. – Я достаточно навидался, как и молодые и старые из кожи лезут вон, лишь бы порисоваться перед какой-нибудь пигалицей. Безобразие, доложу тебе. Что они, бабы, не в силах позаботиться о себе? Да и другим помочь. Их надо приучать к порядку. Кнута им надо, вот что. Как по-твоему, парень?

– Думаю, ты прав, – покорно поддержал Питер и уставился глазами в пол, боясь, что выдаст взглядом свое отношение к сидевшему напротив негодяю.

– Пей, парень! – рявкнул дядюшка Дэн. – До дна!

И с этими словами, зажмурившись от предвкушения, откинулся на спинку стула и с улыбкой поднес к губам полстакана почти бесцветного домашнего самогона. Питер же, выбрав момент, когда тот закрыл глаза, оторвал стакан ото рта и выплеснул содержимое в распахнутую дверь. В результате, когда дядюшка Дэн поставил стакан и, с наслаждением ощущая, как огненная жидкость находит себе место в его внутренностях, откашлялся, он увидел, что перед Питером стоит пустой стакан, а малый ни в одном глазу.

Смотреть на изумленную физиономию горца доставило большое удовольствие хитрецу. Вытаращив глаза и разинув рот, тот в оцепенении взирал на Питера. Покрутив свой стакан между пальцами, снова опасливо взглянул на спокойное лицо собутыльника.

– Что скажешь? – наконец спросил он.

– Неплохое, – кивнул Питер, – чуть слабовато.

– Слабовато! – изумленно выдохнул гигант. Он-то ожидал, что от такого зелья Питер задохнется и запросит запить водой. – Вижу, что из тебя получится мужчина... настоящий горец. Как, Мэри?

Мэри, удивленно глядя на Куинса, молчала. Возможно, ловкость с исчезновением самогона вызвала у нее подозрение, что Питер ведет в отношении дядюшки всего-навсего какую-то игру.

– Налей еще по одной! – потребовал дядюшка Дэн. – Питер, мой дорогой, как насчет того, чтобы разок-другой бросить кости?

Мигом снял с полки грязный, выдавший виды ящичек и выбросил на стол пожелтевшие от времени кубики. Питеру хватило одного взгляда, чтобы понять, что имеет дело с опытным жуликом. Горец держал ящик крайними пальцами, а средними подправлял кости, да так ловко, что партнер не успевал уследить.

– На что играем? – спросил Питер.

– Хочешь так, хочешь на деньги, – ответил дядюшка Дэн. – Мне безразлично. Как тебе угодно, готов на любые ставки.

– Пока не проигрался, хочу спросить: сколько стоит конь, что в коррале?

– Злому Року нет цены, – вмешалась девушка.

– Проклятие! – загремел голос дядюшки Дэна. – Кто тебя просит совать свой нос, ах ты...

Далее последовало такое, отчего Питер Куинс остолбенел. Хотя ему и случалось быть свидетелем ссор между мужчинами и женщинами, но никогда не доводилось слышать, как женщину ругают грязными словами. Так и хотелось схватить дядюшку Дэна за жирную шею и задушить как грязного взбесившегося пса.

– Вон из дома! – взревел старик Дэн. Девушка скрылась. – А что касается цены этому коню, – продолжал он, – то равного ему в горах нет, это факт.

– А цена?

– Самое малое пять сотен.

– Ладно, – махнул рукой Питер, – не так уж много... если конь хороших кровей. Сам-то я не ахти какой наездник.

Он заметил, как загорелись маленькие глазки собеседника. Впившись взглядом в Питера, гигант молча провел рукою по давно не бритой щетине. Пятьсот долларов! Да за такие деньги, догадывался Питер, в этом доме могли не моргнув глазом убить.

– Положим, я его тебе оседлаю, – начал издалека горец, – а ты попробуешь?

– Ни за что не сяду, если только сам не оседлаю, – заявил Питер. – На необъезженном коне не усижу и минуты.

За презрительной усмешкой дядюшки Дэна скрывалось сожаление.

– Будь он проклят! – пробормотал он, чувствуя, как теряется надежда. Что за надежда, Питер мог только догадываться, но он не сомневался, на что рассчитывал дядюшка Дэн. Тот радостно предвкушал, как Злой Рок отделает Питера, и тогда горцу останется лишь довершить начатое конем; пятьсот долларов, а то и больше – если судить по намекам Питера – достанутся ему. Что может быть хитрее такого трюка? Но поскольку продвигать дело дальше в этом направлении стало безнадежно, ничего не оставалось, кроме как с сожалением качать головой. – Тогда посидим поиграем в кости, – вздохнул дядюшка. – Конь и правда не очень смирный. Прямо скажем, дикий, но я подумал, что тебе интересно глянуть, какие штуки он выкидывает. Есть на что посмотреть!

– У тебя что, одна цена и на объезженного, и на необъезженного коня? – уточнил Питер.

– Ага! – воскликнул горец. – Вот оно что! Ездишь не хуже всякого, просто хочешь сбить цену? Так, что ли?

– Держусь в седле, только и всего, – отвел упрек Питер.

– Если усидишь на Злом Роке две минуты – отдаю бесплатно, – разошелся дядюшка Дэн. – Понятно, черт бы тебя побрал?

- Лады. Где его седло?

- Вон там. Если усидишь, седло - в придачу!

- Отлично, - кивнул Питер, перекидывая на руку седло, - только жаль отнимать у тебя так много!

Вообще-то он совершенно не представлял, как удержится на таком жеребце, но рассчитывал, что от одного падения шея останется цела. Если уж только очень не повезет... А между тем на кон как-никак поставлено много. И что важнее всего, его не отпускало чувство, что волею судьбы это конь так или иначе обязательно будет принадлежать ему! Тогда почему бы не в этот раз?

Питер вышел из хижины. Утренний ветерок охлаждал виски. Тут он впервые ощутил, до чего же ему ненавистен этот здоровенный горец. Но, спускаясь под гору к корралю, где стоял Злой Рок, он продолжал мирно болтать с шагавшим следом дядюшкой Дэном:

- Сколько ему лет?

- Будет пять.

- Знаешь отца?

- Ни разу не видал.

- А мать?

- В жизни не встречал.

Вот и все, что узнал Питер о родословной Злого Рока. Подошли к корралю.

- Эй! - крикнул дядюшка Дэн. - А аркан-то забыли. Чем ловить будешь?

- Мне не нужно, - остановил его Питер. - Все равно бросать не умею.

С этими словами, повернувшись лицом к горцу, он подлез под жердь.

- Берегись! - вырвалось у того.

В дальнем конце загона раздался стук копыт, но Питер уже проскользнул внутрь, и когда разогнулся, Злой Рок на всем скаку резко повернул и, обежав вдоль ограды, как вкопанный встал перед чужаком.

- Невероятно! Не может быть! - восклицал за забором дядюшка Дэн. А тем временем уздечка уже была на голове Злого Рока, и конь, наострив одно ухо и прижав другое, лишь потряхивал головой и удивленно покусывал удила. Питер поднял седло. Фыркнув, конь резко повернулся, но потом, совсем по-собачьи обнюхав Питера, позволил ему накинуть седло на спину. Из-за ограды раздавался яростный рев вконец изумленного Томаса.

- Ты его одурманил! - завопил он.

Не удостоив его ответом, Питер затянул подпругу и вскочил в седло. Жеребец задрожал мелкой дрожью и, чуть припав к земле, напряг мышцы для прыжка; Питер тоже дрожал как осенний лист. Откровенно говоря, ему действительно стало так страшно, словно он сидел на конце молнии, которая сейчас унесется в небо. Но Злой Рок вдруг выпрямился, повернул голову и тронул губами носок ботинка Питера. Потом вскинул голову и, позвякивая уздечкой, пошел легкой рысью. Подъехав к самой двери хижины, Питер соскочил на землю. Изрыгая проклятия, дядюшка карабкался в гору. Продолжал бушевать и когда наконец добрался до хижины.

- Одурманил его! - гремел он. - Проклятие, ты его одурманил! Дай сюда поводья и...

- Послушай меня, - пытался урезонить его Питер.

- Не желаю слушать!

- А у меня есть что сказать. К примеру, послушай вот это!

И, выхватив револьвер из кобуры дядюшки Дэна, он выстрелил вверх. Легкий металлический звон засвидетельствовал, что Питер попал в цель.

– Значит, хочешь играть в эту игру? – продолжал бушевать горец. – Хорошо, сделаю из тебя решето!

– Смотри туда, – указал Питер пальцем.

Он показал на верхушку торчавшей из крыши трубы, над которой на трех ножках стоял конической формы колпак. Одна ножка оказалась перебита.

– Смотри лучше! – крикнул Питер и выстрелил снова. Конический колпак повис на одной ножке. – Еще? – Грохнул выстрел, и колпак, потеряв последнюю опору, взлетел в воздух. Питер сунул револьвер в кобуру. – Больше не желаю от тебя никаких неприятностей, – строго сказал он ошеломленному дядюшке Дэну. – Будешь вести себя тихо, а?

Дядюшка Дэн и впрямь стал другим. Егохватило только на то, чтобы изумленно глазеть на своего странного молодого гостя.

– Позови Мэри, – приказал Питер.

Старик повиновался.

– Громче! – настаивал Питер.

– Ты мне не указ!

Питер подошел поближе и ткнул стволом револьвера в громадное брюхо горца.

– Вот что, – произнес он, – когда с тобой разговаривают, веди себя вежливо и не повышай голоса. Иначе ни за что не отвечаю. Зови Мэри!

Дядюшка Дэн крикнул что есть мочи. Питер бросил револьвер обратно в кобуру.

- Если думаешь, что сумеешь спрятаться, прежде чем я достану револьвер, давай попробуй, - предупредил Питер. - Копать могилу - не моя забота!

Но Томас теперь, видно, полностью сдался. Питер даже для него оказалось рановато. Он раскис душой и телом. Из-за деревьев вышла Мэри и с первого взгляда поняла, что происходит что-то неладное.

- Мэри, - спросил Питер, - тебе здесь хорошо?

- О нет!

- Чем ты ему обязана?

- Абсолютно ничем, разве что он работает на земле.

- Это его земля?

- Мэри! - крикнул дядюшка Дэн.

- Нет, если только он обманом не выудил ее у папы!

- Когда останемся одни... - снова попробовал дядюшка Дэн.

- Чего же тогда ты его терпишь?

- А куда еще мне идти? Потом, я боялась убежать.

- Мэри, я пригляжу за этим негодяем, а ты давай седлай коня и собирай вещи.

- Ты о чем, Питер?

- О том, что забираю тебя отсюда.

- Но куда?

– Куда пожелаешь.

– Но...

– Ты меня боишься, Мэри?

– Еду! – крикнула девушка.

– Ты что, тронулась? – воскликнул дядюшка Дэн. – Мэри, ты же никогда не видела этого человека!

– Хватит орать! – оборвал его Питер. – Обо мне можно узнать больше с одного взгляда, чем о тебе за тысячу лет. Однако хватит рыпаться, дядюшка Дэн. Чем дольше я на тебя смотрю, тем больше мне хочется привязать тебя вон к тому дереву и оставить распутывать веревки, а?

Побледнев, горец окончательно умолк. А Мэри словно подменили. Она помчалась вниз по склону, и вскорости Питер услышал, как она распевает в одном из корралей. Потом галопом понеслась обратно на крепкой чалой кобылке. Подскакав к дому, бросила поводья и, соскочив с седла, побежала внутрь. Через пять минут появилась снова с узелком под мышкой.

– Мэри, это все твое имущество?

– Ага.

– Если бы было время, – сказал Питер, обращаясь к дядюшке Дэну, – я бы поговорил с тобою плеткой. Такой разговор ты бы понял. Но нам некогда. Однако запомни следующее: если вздумаешь за нами погнаться, я остановлюсь в ближайшем городке и расскажу там, как ты обращался с Мэри. Они, дядюшка Дэн, воздадут тебе по закону и кое-что в придачу. Заруби это себе на носу... а пока – гуд-бай!

Мэри вскочила в седло, и в следующий момент их кони, стуча копытами, во весь опор мчались по дороге; на случай если дядюшке Дэну вздумается сбегать в дом за ружьем, следовало быть подальше. Позади не раздалось ни выстрела.

Глава 6

Под звездами

Но веселый азарт приключения, ожидание погони, милое личико скакавшей рядом Мэри – все это оказалось ничто по сравнению с восторгом от езды на сером красавце. Злой Рок мчался словно ветер – легкой, ровной рысью. Пританцовывая, спускался по крутым каменистым склонам и как бы парил на равнине. Когда они, взобравшись на одну из вершин, придержали коней, чтобы оглядеться и обдумать положение, Злой Рок дышал, будто и не участвовал в бешеной скачке, тогда как бедная чалая стояла вся взмыленная.

– Если я теперь вернусь... – начала Мэри.

– А зачем?

– Но куда мне ехать, Питер?

– Куда захочешь.

– У меня же нет другого дома.

– Родственники есть?

– Только сестра матери в Кинси-Сити.

– Почему бы не поехать к ней?

– Откуда мне знать, будут ли мне рады?

– Не найдется на свете такого человека, который не обрадовался бы тебе.

– Питер, зачем ты так?

- Потому что это правда.

- Перестань!

- Мэри, если бы я имел зеркало, я бы быстро тебя убедил.

- Питер, ты заставляешь меня краснеть.

- В таком случае я ужасно рад. Это все равно что...

- Что?

- Мэри, - оборвал себя Питер, - со сколькими ребятами ты знакома?

- За последние четыре года... ни с одним!

- Тогда никто не говорил тебе ничего такого...

- Что, например, Питер?

- Когда найдем местечко получше, постараюсь тебе объяснить.

Тут, будто догадавшись, что он имеет в виду, она пустила чалую вперед. Питер тронул следом Злого Рока. Его не оставляло ощущение, что отныне он полностью овладел сердцем Мэри и та будет так же покорна ему, как послушно скачущая в темпе, задаваемом Злым Роком, чалая кобылка. Даже когда Мэри, пригнув голову, подстегивала чалую, Питер не сомневался: скажи он одно лишь слово, как она, радостно смеясь, обернется и одарит его счастливым взглядом. И Питер упивался своим могуществом!

Он принялся размышлять о девушках вообще. Решил, что все зависит от того, как к ним подойти. В данном случае, чтобы завоевать доверие Мэри, оказалось достаточно одной встречи. И все же, заговори он с ней так, как тогда с той, первой, Мэри, его, несомненно, ожидала бы неудача. Каждая девица - что твой музыкальный инструмент, на разных инструментах играют по-разному. И Питер чувствовал в себе безграничные способности находить ключик к любой.

Возможно, прежде всего благодаря тому, что Питер был еще очень молод, а юнцу свойственна доля самонадеянности. Но как бы то ни было, он мысленно клялся, что постарается сделать для Мэри все, что в его силах. Простая жалость уступила место более заботливым мыслям; на него вдруг нахлынула такая волна смешанной с грустью нежности, что он сам поразился охватившему его чувству.

В полдень они пообедали жареными белками, которых из револьвера Томаса настрелял опытной рукой Питер.

- Что будем делать, когда нас нагонит дядюшка Дэн? - дрожа от одной мысли, воскликнула Мэри. - Что будем делать, когда нас арестуют за кражу...

- Сдается мне, что дядюшка Дэн больше никогда тебя не тронет, - заверил ее Питер.

- Ты уверен?

- Если мы расскажем о его делах, ему от позора придется убраться из этих мест.

При всей видимой уверенности, он всю дорогу поглядывал назад. Только к вечеру они добрались до деревни, стоявшей у железнодорожной ветки, идущей в Кинси-Сити. И только теперь, когда они ехали по улице, пересекая полосы света, лившегося из незавешенных окон и открытых дверей, Питер почувствовал, что игра выиграна, и ослабил бдительность. Они записались в засаленной книге постояльцев крошечной гостиницы; Питер прочел, что ее зовут Мэри Ингрэм, а она в свою очередь узнала, что он - Питер Куинс.

- Полагаю, - заметил портье, - вам нужны смежные номера, поболтать через стеночку?

Питер взглянул на девушку: как она среагирует на сальный намек? Удовлетворенно отметил, что, правда, чуть покраснев, Мэри не уделила пошляку ни малейшего внимания, изобразив, что в упор его не видит.

- Можешь оставить свои предположения при себе, - ответил с достоинством Питер, ставя портье на место.

Мэри не возвращалась к этой теме и когда они сидели за столом, только украдкой бросала на Питера, будто он уже принадлежал ей, ласковые взгляды. Время от времени смущенно краснела, хотя ничего такого за столом не говорилось. Питеру она казалась очаровательной, еще более прелестной, чем прежде; и после ужина он предложил ей прогуляться, словно позади не было изматывающей езды и полного тревог и волнений дня! И хотя тела налились усталостью, сердца их радостно трепетали; ноги с трудом плелись по солончаковой пыли, а глаза мечтательно блуждали по звездному небу. Выйдя за деревню, они оказались у заросшего молодыми деревцами небольшого пригорка. Ласково играл листьями теплый ветерок.

Мэри остановилась, и Питер невольно прикоснулся к ней. Счастливо, с каждым ударом все чаще, забилося сердце.

– О Питер Куинс, – прошептала она наконец, – я... думаю, что у тебя самое подходящее имя.

– Мэри, почему?

– Потому что оно не такое, как у других... и ты не такой, как другие.

– Чем же я не похож на других, Мэри?

– Уверена, любой другой на твоём месте давно бы меня поцеловал.

Он поймал ее, но она вывернулась и убежала прочь. Питеру всем сердцем хотелось побежать за ней. Но интуиция заставила сесть на камень и не двигаться. Он повиновался инстинкту. Мэри тем временем еле различимой в свете звезд тенью нерешительно двигалась поблизости.

– Мне так хочется тебя догнать, – произнес он.

– Нет, нет, – то ли с досадой, то ли с презрением ответила девушка. – Ты, Питер, слишком ценишь себя.

– Но представь, что я погнался бы и... напугал тебя, Мэри?

Мэри, как и подсказывала ему интуиция, стремительно вернулась к нему.

– Питер Куинс, – воскликнула она, – у тебя золотое сердце! – Он не помнит, как она оказалась в его объятиях, – он ее целовал и чувствовал ее дыхание, такое же нежное и теплое, как ветерок в раскинувшихся над ними ветвях тополей. – Кому на всем белом свете я могу довериться, – шептала она, – если не тебе, Питер, милый?

А что промелькнуло в причудливом сознании Питера? Исступленная нежность? Нет, в самой глубине души звучали слова: «Никогда не беги за девицей, сама к тебе вернется». Но вслух он сказал:

– Когда этим утром я увидел тебя, мне показалось, что только начинаю жить – что это первый настоящий день в моей жизни!

– Питер, а когда я увидела твои чистые голубые глаза, то сразу поняла – все печали остались позади. Милый, мне кажется, что я любила тебя всю жизнь!

Они медленно, очень медленно, минуя вереницу домов, направились обратно к гостинице.

– У меня ни гроша за душой, – признался Питер. – Тебя это не страшит?

– Конечно нет! Мы молоды и полны сил. Вот наше богатство, милый!

В открытое окно до них донеслись громкие голоса. Они невольно заглянули в окно и увидели ссорившуюся пожилую пару. Мужчина стоял посередине комнаты и, доказывая свое, стучал кулаком о ладонь, а она, раскачиваясь в кресле-качалке, поджав губы, делала вид, что шьет, на самом деле тыкая иглой куда придется.

– Будь я проклят, до чего мне все это надоело! – кричал муж. – Каждый день с утра до ночи работаю как проклятый, а прихожу домой, мне не находится даже улыбки; ничего, кроме придирок: почему мало зарабатываю, почему не скопил больше, когда купим Анни пианино?

– Я уже больше не надеюсь услышать от тебя ничего путного, – прервала его жена. – Ты говоришь так, будто я прошу для себя. Нет, не для себя. Прошу для твоей кровиночки – собственной дочери. Неужели она не имеет права устроить свою жизнь?

– У нее возможности не хуже, чем у всех.

– Ни о чем не думаешь, кроме собственных удовольствий – мягко спать да сытно есть.

Мэри потянула Питера за руку.

– Ужасная женщина! – прошептала она. – Пойдем, нечего ее слушать.

«Почему она боится слушать? – шагая с ней в обнимку, думал Питер. – В книгах пишут, что женщины любопытны, и, судя по тому, что мне о них известно, они действительно любопытны! А вот она не пожелала наблюдать типичную семейную сцену. Должно быть, не хотела, чтобы слышал я. А не хотела, чтобы слышал, потому что я мог плохо подумать о женитьбе. Вот оно что! Выходит, она умна и умеет скрывать, что у нее на уме!»

Такие мысли пронеслись в голове Питера, пока они шагали дальше; Мэри говорила без умолку, но он воспринимал ее болтовню вполуха. Она убеждала его, что в их совместной жизни не будет таких размолвок, какую они только что видели. Их любовь будет на всю жизнь, и они до самого конца сохранят нежность друг к другу. Так они дошли до двери ее номера в гостинице, но здесь, оглядев коридор и убедившись, что их никто не видит, она вдруг прильнула к нему, подняв на него полный отчаяния взгляд.

– О Питер, Питер, – тихо воскликнула Мэри, – если я сейчас расстанусь с тобой, боюсь, что утром тебя уже не увижу. Мне чудится, что судьба подарила мне всего лишь один счастливый день с тобой. У меня страшное предчувствие, что никогда больше не увижу солнечный луч в твоих светлых волосах и не встречу взгляд твоих смеющихся глаз.

Он нежно обнял ее, чувствуя себя умудренным жизнью мужчиной, которому доверили бремя забот об этом слабом существе.

– Мэри, дорогая, – шептал Питер, – я буду любить тебя всю жизнь и не оставлю ни на день.

– Ну посмотри... посмотри на меня!

Она взяла в ладони его голову и повернула лицом к свету. Долго молча изучала его восхищенным и в то же время горестным взглядом, потом, вздохнув, отпустила и тихо скользнула за дверь. Питер двинулся было следом, пытаясь понять, что она имела в виду, но в замке щелкнул ключ. Он шепотом позвал ее, однако через некоторое время услышал глухие всхлипывания и понял, что она, уткнувшись лицом в подушку, плачет.

Очень странные создания эти женщины. Разрыдалась в тот самый момент, когда только что оба признались друг другу в любви! Здесь уместно заметить, что парня до глубины души тронули ее чувства. Но перед вами не роман, а правдивое описание жизни Питера Куинса. На самом же деле Питеру ни капли не льстила мысль, что он так глубоко задел сердечные струны девушки. Сам он словно охмелел. Ему сейчас требовался друг, которому он излил бы свои чувства, а поскольку в этом поселении он никого не знал, то, вполне естественно, спустился во двор и отыскал в загоне позади конюшни своего коня. Жеребец стоял один; он не жевал корм, не лежал, отдыхая после тяжелого дня, а, подняв голову и раздув ноздри, застыл словно блестящее в свете звезд мраморное изваяние и глядел поверх ограды корраля... куда?

Питер Куинс несколько остыл от переполнявших его чувств. Где-то вдалеке завыл койот. Жеребец переступил с ноги на ногу. В темноте снова раздался слабый крик койота, и образ Мэри отошел куда-то назад. Питер встал перед конем, но, пока он изливал душу, тот, недвижимо подняв голову, внимал ветру и крику койота. Питер повернулся и тоже посмотрел туда, на север. Перед ним на фоне звезд вздымались еле различимые неровные очертания гор, сами звезды мигали голубым светом, а ветер доносил свежий сосновый аромат.

Ночь, полная очарования, покорила его.

Питера охватили чувства, которые невозможно выразить словами. Но он понял, по крайней мере, одно – что никогда не женится ни на Мэри, ни на любой другой женщине, пока не встретит такую, которая воплотит в себе все могучее очарование, чистоту и загадочность этой ночи в горах. Он также понял, что от

рождения предназначен для той вольной и дикой жизни, которой живет и этот затерявшийся среди далеких гор койот, и впервые осознал, что его одинокое детство, отсутствие общения с другими детьми вовсе не является результатом простого каприза. Да, он не такой, как другие, и другие это ощущали даже в большей степени, чем он сам.

Крик койота затих вдали. Злой Рок положил мягкую морду на плечо хозяина. Хозяин обвил рукой шею коня. Питеру казалось, что все счастливые минуты, проведенные с Мэри, не идут ни в какое сравнение с этой, ибо Злой Рок его понимал, а разве найдется на свете женщина, способная на это?

Глава 7

Что увидел из-за кустов

Питеру только что минуло восемнадцать, а в восемнадцать лет долго не раздумывают. Посему Питер сразу вернулся в гостиницу и принялся за письмо.

«Дорогая Мэри. Я больше всего хочу, чтобы ты была счастлива, и теперь вижу, что ты права. С моей стороны самое лучшее больше никогда тебя не видеть. Я не из тех людей, кто способен создать семью и оставаться на одном месте. Поэтому я не могу обеспечить тебе спокойную счастливую жизнь.

Вкладываю в конверт достаточно денег, чтобы ты доехала до Кинси-Сити. Знаю, что там ты найдешь подходящего мужчину. Удачи ему и большого счастья тебе.

Питер Куинс».

Перечитав письмо, Питер решил, что сказал все, что надо, и, выйдя в коридор, подсунул послание под дверь номера, где спала девушка. Выпрямившись, разглядел маячившую в темноте коридора огромную тень и даже в неясном свете узнал очертания дядюшки Дэна. Только на это и хватило времени, потому что в тусклом свете блеснул ствол направленного на него револьвера.

– Вот что, парень, – тихо произнес Томас, – ты неплохо сработал. А теперь шагай вниз впереди меня. Мне надо много чего тебе объяснить, а времени мало.

Волей-неволей пришлось повиноваться. По возможности спокойно Питер спустился по лестнице и, следуя указаниям, вышел из гостиницы через боковую дверь, снова оказавшись под звездами. Им овладел страх, но он подавлял его, лихорадочно размышляя, как выиграть время.

– А теперь, парень, – начал старик, – я не собираюсь приказывать, чтобы ты поднял руки. Не собираюсь тебя обыскивать, чтобы отобрать у тебя револьвер, который ты у меня спер. Просто уложу наповал, как только шевельнешь рукой. Первое, что я хочу знать, – куда ты дел Злого Рока?

– Он в маленьком загоне позади конюшни.

– Верно, я его там видел. А куда ты упрятал Мэри?

– Она наверху, в номере рядом с моим.

– Думаю, что это тоже верно. Куда она направляется?

– В Кинси-Сити.

– С тобой?

– Одна.

– Значит, так, – решил дядюшка Дэн, – она едет со мной домой. Кто без нее будет готовить мне жратву? Но сперва надо закончить с тобой!

– Что ты собираешься со мной делать?

– Вот что! – произнес горец, доставая левой рукой аркан.

– Не повезло, – усмехнулся Питер и с этими словами нанес удар. Вообще-то его могли убить наповал, как только шевельнет рукой, но он держался так покорно,

а горец пребывал в такой ярости, что оказался застигнут врасплох. Натренированная тяжелым кузнечным молотом рука обрушилась на дядюшку таким мастерским хуком, что безногий учитель, оказись он свидетелем, лопнул бы от гордости. Хороший хук имеет несколько особенностей. Он начинается от бедра и даже ниже. Взметнувшись вверх, кулак стремительно проносится над плечом противника, загибается внутрь и в самый последний момент обрушивается сверху вниз. Получается крученый удар с поворотом на себя. И когда такой удар пришелся точно в челюсть дядюшки Дэна, тот не рухнул всем весом назад, а, оглушенный, повалился лицом вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/brend_maks/sem-trop-pitera-kuinsa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)